

Ольга Десюкевич
Белорусский государственный университет

КОНЦЕПТ *ТОЛЕРАНТНОСТЬ* В ФИЛОСОФСКОМ И НАУЧНОМ ДИСКУРСАХ

По мысли Поля Рикёра, «позиция рассуждающего о толерантности подвергается двойной опасности: банальности и смещению понятий» [2, 3]. Преодолевается эта опасность в его работе «Терпимость, нетерпимость, неприемлемое» путем семантического анализа производящего глагола, на основании которого выделяется базовый признак ‘терпеть что-либо, не запрещать и не требовать, когда это возможно’, а также через сопоставление двух концептов, ни один из которых не может быть истолкован изолированно. Формулируя два противоположных ценностных подхода – терпимости как позиции, состоящей «в признании за другим манеры поступать и мыслить иначе, чем ты сам» [2, 4], и нетерпимости как «склонности не переносить, порицать то, что не нравится в мнениях или поведении другого» [2, 4], – Поль Рикёр прослеживает, как усложняются представления, формирующие данный концепт, как в этом усложнении отражаются изменения исконного образа действия по отношению к другому: «Если терпимость, схваченная на этом уровне глубины, ценится столь дорого, то это именно потому, что она задевает другое действие, которое в действительности предшествует ей и которое она пришла исправить, улучшить, укротить, то есть не убеждение как таковое – а некий дурной принцип, который смешивается с ним: побуждение внушать другому наши собственные убеждения» [2, 9].

Результатом концептуального анализа в работе Поля Рикёра становится разграничение толерантности положительной и отрицательной, последнюю он рассматривает как синоним равнодушия, как толерантность, лишённую мужества: «Если наша снисходительность не высокомерна и не граничит с надменностью, а скромна, то мы склонны рассматривать наше убеждение извне как простое мнение, как одно мнение среди прочих; отсюда и эрозия, износ убеждения, таким образом релятивизированного. В пределе то, что мы именуем «терпимостью», скорее заслуживает именованья «индифферентность», позиция, в соответствии с которой все стоит и ничего не стоит того, чтобы обязывать нас. В этом случае толерантность перестает доставлять затруднение, действительно, она теряет свою силу, свое мужество...» [2, 10]. Заметим, что языковой знак *толерантность*, определяющий свойство нашего национального

менталитета, в текстах белорусских СМИ может попадать в один ряд с «*абыякавасцю*» и приобретать отрицательную коннотацию, причем иногда в метафорическом контексте, явно или имплицитно содержащем противопоставление: «В Латвии многого нет. Зато там есть Балтийское море – прохладно-бодрящее даже летом, суровое в иные поры года, но всегда мянющее и завораживающее простором и накатывающимися на песчаный берег волнами. Это море, которому чужды толерантность и «абыякавасць», невозможно не полюбить» (Свободные новости плюс, 2007, № 32).

Категория толерантности стала объектом изучения лингвокультурологии (Н. Купина, О. Михайлова) в пространстве ценностной оппозиции *толерантное общение – речевая агрессия*. Однако в большей степени описывается языковая реализация второго члена этой оппозиции, конечно, в силу возросшей степени агрессивности речевого поведения людей.

Концепт *толерантность*, как можно заметить, чаще всего описывается в рамках оппозиции *терпимость – нетерпимость, агрессия*, что свидетельствует об особой, антонимической природе этого концепта. Вместе с тем профилирование данного концепта может осуществляться и в текстовой картине мира. Можно предположить, что выявлению оценочных составляющих этого концепта может способствовать анализ текстов, посвященных истории государства, в котором «осуществлялась терпимость не только в религии, но и в языковых и культурных отношениях между народами» [1, 105], – Великого княжества Литовского. Вяч. Вс. Иванов, рассматривающий языковую и культурную ситуацию Великого княжества Литовского как прообраз ситуации интегрированной Европы, говорит о том, что свойственные многим прототипические представления о ситуации в стране «один народ – один язык» ошибочны, хотя, судя по его тексту, мирное сосуществование разных языков и культур в одном государстве удивительно и для него. Свидетельством является то, что он говорит о Великом княжестве Литовском как о «дикивинном языковом мире, обломки которого дошли до наших дней» [1, 101] и как о «странном веротерпимом союзе разных религий и языков» [1, 102].

В докладе планируется представить результаты концептуального анализа рассчитанных на массовую аудиторию текстов, посвященных Великому княжеству Литовскому.

1. Иванов Вяч. Вс. «По-просту»: языки Великого княжества Литовского // Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. – М., 2004. – С. 101–105.

2. Рикёр П. Терпимость, нетерпимость, неприемлемое // Collegium. – 1995. – № 1–2. – С. 3–14.